

Лингво-когнитивные основы воспроизводимости

В.В. Красных

Многие исследователи, представляющие различные школы, направления и дисциплины и работающие в рамках современной научной парадигмы, справедливо полагают, что сегодня трудно рассматривать *Homo Loquens* (Человека Говорящего) как некоего «идеального говорящего», вне его принадлежности какой-либо культуре, ибо субъект коммуникации всегда есть и субъект языка, и субъект культуры (положение о двухсубъектности является одним из постулатов лингвокультурологии, сформулированных В.Н. Телия еще в 90-е годы прошлого века [Телия 1996]). При этом *Homo Loquens* не перестает быть и представителем «рода человеческого», т. е. *Homo Sapiens*. Но в человечество человек входит только как представитель своей культуры (ср. с идеей Н.А. Бердяева, см., напр., [Бердяев 1993, Глава III]), владеющий своим языком и умеющий кодировать и декодировать знаки культуры / лингвокультуры, т. е. как *Homo Litteratus / Symbolicus*. С этой точки зрения, *Homo Loquens* выступает в двух ипостасях: *Homo Sapiens* и *Homo Litteratus / Symbolicus*. Подобное понимание феномена *Homo Loquens* предполагает его изучение в связи с культурой и лингвокультурой, носителем которых он является и которые, с одной стороны, *Homo Loquens* творят, а с другой – сами творимы им.

Если культуру, вслед за В.Н. Телия, понимать в первую очередь как *мироощущение, мироосознание и миропонимание народа* (что не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимовлияния, взаимодействия и взаимозависимости), то лингвокультура предстает как *культура оязыковленная, овнешненная и закрепленная в знаках языка*. Из чего следует, что, говоря о лингвокультуре, мы рассматриваем, вслед за В.Н. Телия, *знаки языка* (в лингвистическом понимании этого термина) как *тела знаков языка культуры*.

На первый взгляд, лингвокультура сближается с языковой картиной мира. Так нет ли здесь «умножения сущностей без необходимости» и впадения в дурную бесконечность терминов? На мой взгляд, нет. Представляется, что языковая картина мира есть сложно организованное семантическое пространство, к которому применимы, в том числе, собственно лингвистические (в первую очередь – семантические) методы исследования. Лингвокультура же по своей сути есть феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных, так сказать, одеждах. Иначе говоря, акцент смещается – и это смещение принципиально важно – с *языка*, овнешняющего образы, на *образы*, овнешняемые в языке. Или, другими словами: с означающего – на означаемое. И едва ли собственно лингвистические методы исследований могут быть перенесены на это «поле» безболезненно и без потерь (как для самих методов, так и – особенно – для объекта исследований). Вероятно, языковая картина мира в данном случае может рассматриваться как основной вход в пространство лингвокультуры.

Так, например, нас интересует не некий артефакт сам по себе, а то, как он осмысливается в культуре и какое место в ней занимает. Равно как и собственно языковое значение имени данного артефакта является для нас не «финальной», а, скорее, «отправной точкой» анализа. Нас интересуют те функции, которые выполняет в культуре определенным образом осмысленный артефакт (напр., символные, эталонные), и те дополнительные культураносные смыслы, которые стоят за конкретным именем. Более того, именно функции, образы и данные смыслы мы можем ставить во главу угла и идти от них к различным единицам, которые данные функции выполняют и в которых данные образы и смыслы воплощаются. Приведу только один пример: функцию этало-

на максимально низкого уровня может выполнять *плинтус* (см.: *уровень знаний ниже плинтуса*; *«настроение у жены падает ниже плинтуса»* – Д. Донцова, Микроб без комплексов), но был зафиксирован пример, в котором недавно ту же функцию выполняет *бампер* (реклама одного из московских автосалонов: *«Цены ниже бампера»*).

Имея в виду только что сказанное, вероятно, можно предположить, что, изначально имея две самостоятельные семиотические системы, каждая из которых обладает своим собственным «языком» (культура vs. естественный язык человека), мы, оказываясь на поле их пересечения / наложения, вероятно, выходим в пространство третьей семиотической системы, т. е. лингвокультуры.

Что касается «культурного пространства», то этот термин охватывает в первую очередь собственно «ментальную» сферу культуры, ибо по сути своей культурное пространство есть *результат отражения* (в психологическом смысле данного термина) *культуры в сознании ее представителей*.

Таким образом, культура, лингвокультура и культурное пространство оказываются онтологически связанными; они неслиянны (как неслиянны образы сознания и тела знаков, в которых они овнешняются) и неразрывны (как неразрывны составляющие единого феномена, напр., как атомы в молекуле определенного вещества). (Ср.: музыка «живет» в момент исполнения ее музыкантами и может быть зафиксирована при помощи нотных знаков, значит ли это, что нотная запись, музыкальные инструменты, музыканты и сама музыка суть одно и то же? Едва ли.)

Думается, сегодня можно утверждать, что в фокусе внимания ряда современных дисциплин (напр., лингвокультурологии, этнопсихолингвистики) находятся культурное пространство (как феномен ментальный) и лингвокультура (как феномен лингвокогнитивный). Одним из актуальных вопросов, стоящих перед исследователями вышеуказанных феноменов, является проблема воспроизводимости: что, как, почему воспроизводится в дискурсе носителей языка и культурного пространства, представителей культуры и лингвокультуры.

Воспроизводимость в данном случае предстает как (потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения (как непосредственного, так и дистанцированного во времени и пространстве). При этом предполагается, что воспроизводиться могут не только устойчивые языковые или дискурсные единицы (т. е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» – фразеологизмы, некоторые прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам (к таковым можно отнести некоторые дискурсные единицы – прецедентные феномены и стереотипы, не имеющие «фиксированного имени», а также феномены несколько иной природы, например, эталоны и символы).

Сегодня воспроизводимость весьма успешно изучается представителями лингвокультурологии, которые в центр внимания ставят не только сами воспроизводимые единицы языка и дискурса, но и те знаки языка культуры, «телами» которых данные единицы служат, те смыслы, которые за ними стоят (см. работы В.Н. Телия и представителей ее школы, напр. [БФС 2006]). Иначе говоря, единицей анализа и описания является единица лингвокультуры, означающим которой выступает тело знака естественного языка или дискурса, означаемым – знак языка культуры.

Следует отметить, что вопросы воспроизводимости актуальны и для другой современной дисциплины – этнопсихолингвистики. Лингвокультурология и этнопсихолингвистика, при всех существующих между этими науками различиях, имеют и зону пересечения интересов, где лингвокультурология и этнопсихолингвистика не только мирно сосуществуют, но, прекрасно уживаясь, дополняют друг друга. Совершенно очевидно, что с позиций этнопсихолингвистики (как и лингвокультурологии) озна-

чающим являются знаки языка, а означаемым – образы сознания. Следовательно, применительно к нашему разговору, образы сознания, будучи всегда культурно маркированными, могут рассматриваться как репрезентанты культурного пространства (в том его понимании, которое представлено ранее в данной статье). Таким образом, лингвокультурология и этнопсихолингвистика оказываются сочленены на культурном пространстве, а это в свою очередь означает, что лингвокультура может являться объектом не только лингвокультурологических, но и (этно)психолингвистических исследований.

Когда речь идет о воспроизводимости, то естественно возникает вопрос: а что именно воспроизводится – знаки-«овнешнители» или знаки-«смыслы»? Означающее или означаемое? В терминах лингвокультурологии: знаки языка или знаки культуры? В терминах этнопсихолингвистики: знаки языка, овнешняющие образы сознания, или сами образы сознания?

Поскольку мы говорим о третьей семиотической системе – лингвокультуре, то, соответственно, нас интересуют в первую очередь вторые члены представленных оппозиций, но в их оязыковленном бытии, т. е. знаки культуры (и образы сознания) в их «словесных одеждах». Последние же могут быть как «знаково фиксированными», т. е. воспроизводимыми сами по себе (и тогда могут воспроизводиться либо и форма и смысл, например, имена, идиомы, нетрансформированные прецедентные высказывания и под.; либо – что реже – только форма, напр., прецедентные высказывания с только поверхностным значением), так и «свободными» с точки зрения плана выражения. В последнем случае, что совершенно очевидно, воспроизводится не форма, а только тот «смысл», тот образ, та эмоционально-смысловая структура, которые принадлежат данной культуре, культурному пространству и – через оязыковление – лингвокультуре и оказываются релевантными для данной ситуации общения. В настоящей статье я остановлюсь только на тех единицах, которые представляются мне наиболее интересными и показательными в плане воспроизводимости их «ментальной», лингво-когнитивной составляющей. И начну я с прецедентных феноменов и стереотипов.

В своих предыдущих работах я приводила доказательства того, что прецедентные феномены и стереотипы являются единицами дискурса, а не языка, т. е. имеют лингво-когнитивную природу, и одним из аргументов в пользу такого понимания их природы был тот факт, что целый ряд прецедентных феноменов и стереотипов не имеет своего фиксированного «имени» (см., напр. [Красных 2005-а]).

Например, прецедентная ситуация – даже хрестоматийный пример *«предательство Иудой Христа»* не имеет фактически фиксированного имени, ибо приведенное «сочетание» может быть признано таковым только для уровня метаанализа данной единицы. Попробуйте найти пример естественного употребления этого выражения в речи, и Вы убедитесь, что мы никогда не скажем: *«Это было просто предательство Иудой Христа»*. Для апелляции к данной ситуации мы предпочтем использовать другие «входы» в нее: через имя *Иуда*, прецедентное высказывание *«30 сребреников»* и т. п.

Или прецедентный текст, который является прецедентным в силу того, что имеет инвариант собственного восприятия и именно в таком виде хранится в когнитивной базе. Иначе говоря, в данном случае речь идет не о самом тексте как таковом, не о, так сказать, тексте-«первоисточнике», который, как правило, фиксирован и в таком виде передается от поколения к поколению (как, например, сказки Пушкина, басни Крылова, романы Льва Толстого). Хотя и здесь приходится говорить «как правило», поскольку тексты народных сказок, например, или же другие фольклорные тексты могут и не иметь единого «текстового инварианта». Кроме того, сказки, известные нам в авторском изложении, и даже авторские произведения далеко не всегда имеют единственный текст-оригинал (напр., сказка *«Золушка»* имеет как минимум три «источника» – наиболее известный в России вариант Шарля Перро, менее известный у нас

вариант братьев Гримм, а также знаменитый фильм 1947 года Н.Н. Кошеверовой и М.Г. Шапиро; или сказка о приключениях Винни-Пуха – весьма популярный у нас отечественный мультфильм и менее известный авторский текст Милна; приключения Карлсона известны нам в большей степени по отечественному мультфильму, хотя не менее популярен и оригинальный текст Астрид Линдгрен; этот ряд примеров может быть продолжен, но ограничусь сказанным).

Но дело даже не в этом, а в том, что прецедентный текст предстает в культурном пространстве в том виде, как он хранится в когнитивной базе и, соответственно, в сознании ее носителей. Тем более что, как показывают исследования, текст как вербальный, знаково зафиксированный продукт речемыслительной деятельности может и не быть «знакомым» и «знаемым» для представителей данной культуры, но инвариант его восприятия существует, и, следовательно, текст является прецедентным. В качестве примера можно привести трагедии Вильяма Шекспира о двух влюбленных или же о страстном ревнивце, а также произведения русской литературы (к сожалению, найдется немало русских, которые плохо знают или вообще не знают тексты романов «Война и мир» или «Евгений Онегин»). Однако даже те, кто не читал эти произведения, несмотря на требования школьной программы и/или их известность, смогут рассказать, «о чем» они, т. е. владеют инвариантом их восприятия. Что касается лингвокультуры, то здесь мы, вероятно, имеем дело с двойственным – как минимум – бытием прецедентного текста: 1) самого текста – так, как он зафиксирован на каком-либо носителе: бумаге, киноплёнке (поскольку фильм – это тоже текст, хотя и сложной природы: поликодовый и полимодальный, в терминах когнитивной науки) и т. д.; и 2) инварианта восприятия прецедентного текста.

Сегодня с большей или меньшей степенью уверенности можно утверждать, что инвариант восприятия любого прецедентного феномена (наличие которого, повторю, является необходимым для обретения феноменом статуса прецедентного) по сути своей не имеет и, вероятно, не может иметь строго фиксированного языкового выражения.

Далее, прецедентные высказывания. Они, как известно, имеют свою фиксированную форму, которая (наряду с системой значений-смыслов) входит в когнитивную базу. В силу этого данные феномены, казалось бы, должны были бы быть признаны единицами языка. Однако прецедентные высказывания все же являются единица дискурса, поскольку могут употребляться и зачастую употребляются в трансформированном виде: не столько собственно «*быть или не быть*», сколько «*пить или не пить*», «*жить или не жить*», «*бить или не бить*»; ***Спасать или не спасать*** [недоношенных детей]? ***Вот в чем вопрос***. Об этом со времен Спарты спорят не только врачи и родители, но и философы с юристами (МК, 22.02.2002); *Я стояла перед пачкой [чужих] писем из сейфа. Читать или не читать?* Почти гамлетовские сомнения. Но все же любопытство взяло верх (Д. Донцова, Крутые наследники) и под. При этом, как показывают результаты анкетирования, носитель языка, представитель культуры и лингвокультуры легко восстанавливает исходную форму таких «измененных» единиц.

Что касается прецедентных имен, то они в гораздо большей степени близки собственно языковым единицам. Но и здесь все не так просто. Во-первых, для прецедентного имени (как для любого прецедентного феномена) крайне важным оказывается инвариант его восприятия, который может включать в себя не только совокупность признаков (которые могут относиться к внешности, характеру, поведению), но и отдельные ситуации (см., например, *Колумб – открытие Америки*). По сути своей это сложный комплексный образ, который не может быть сведен ни к простому лексическому значению, ни к «энциклопедической» информации. При этом следует отметить, и это во-вторых, что многие имена так или иначе связаны с текстами, зачастую имеющими статус прецедентных, которые их породили, и в силу этого они (имена) могут служить от-

правной точкой для широкого спектра предсказуемых ассоциативных связей. В-третьих, позволю себе высказать осторожную гипотезу, что для прецедентных имен в значительно меньшей степени релевантными (по сравнению с собственно языковыми единицами) оказываются грамматическая категория рода и семантическая привязка к полу определяемого объекта. Но при этом они не становятся все-таки именами общего рода, поскольку этому изначально препятствует инвариант восприятия самого прецедентного имени. Объяснить такую особенность данных единиц представляется несколько затруднительным с собственно грамматических, лексических, семантических и проч. позиций, т. е. если мы остаемся на поле собственно языка. Но все это оказывается вполне понятным и объяснимым, если мы «переведем» прецедентные имена из сферы языка в сферу дискурса и лингвокультуры, где грамматические, лексические и прочие собственно лингвистические категории оказываются не столь значимыми.

Как показывают исследования, прецедентные имена могут употребляться по отношению к представителю противоположного пола и даже (хотя и редко) менять свою грамматическую категорию рода: *Буратина* (при описании девушки с длинным носом), *Золушк* (по отношению к молодому человеку, удачно женившемуся на богатой невесте) и под. Приведу несколько примеров, демонстрирующих «индифферентность» прецедентного имени (обладающего, с точки зрения языка, категорией рода и привязкой к полу называемого объекта, если речь идет об имени собственном) к полу описываемого объекта. Понятно, что *Иван Сусанин* – имя сугубо мужское, обладающее всеми грамматическими признаками мужского рода и служащее для называния лиц мужского пола. Но ведь это абсолютно не мешает употреблять это имя по отношению к даме, результат действий которой представляется говорящему соотносимым с ситуацией гибели непростенных поляков (*Ну, что, Сусанин? Куда ты нас завела? Выводи теперь.*). Думается, что для собственно языковых единиц такие случаи не представляются возможными. Даже если вслед за детьми считать, что **мух* и **синиц* – это «дяденьки» в отличие от «тётенек» *мухи* и *синицы* (см. в связи с этим построенное, вероятно, по этому же принципу название фильма «*Усатый нянь*»), все равно весьма затруднительно утверждать, что **женицин* и **тёньк* (им.п., ед.ч.) – мужчина (ср. *Золушк*), а уж если кто-то и называет мужчину «*бабой*» (не *женщиной*, между прочим, не *дамой*, не *мадам* и не *леди*), то он имеет в виду не физиологические особенности данного субъекта, позволяющие отнести его к определенному полу, но некоторую совокупность признаков, составляющих основу стереотипного, в данном случае – гендерного, образа (стереотипы, кстати, тоже принадлежат к числу единиц дискурса, но о них мы будем говорить чуть позже). Итак, примеры:

Главный ужас машиниста – «**анны каренины**», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и еще вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой. *АиФ*, №47, 2004. Гроссмейстер Анатолий Вассерман стал одесской политической **Кассандрой** в 1985 году, когда к изумлению коллег из НИИ, вычислил, что на смену умершему Черненко к власти придет Михаил Горбачев. *МК*, 01.11.05. <...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать **Айболитом** Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме]. *Д. Донцова, Лягушка Баскервилей*. Так много работы, что Вы чувствуете себя **Золушкой**? *Реклама чипсов «Чемпион», где «главным героем» является молодой человек.*

Таким образом, для прецедентных феноменов воспроизводимым оказывается в первую очередь инвариант восприятия. Именно он делает апелляции к прецедентным феноменам возможными и тем самым предопределяет как возобновляемость таковых (апелляций) в дискурсе, так и воспроизводимость «коммуникативных фрагментов» (по Б.М. Гаспарову [Гаспаров 1996]), представленных языковыми и дискурсными едини-

цами: от имени до высказывания – в речи. Иначе говоря, инвариант восприятия прецедентного феномена, с одной стороны, бытует в лингвокультуре, с другой – воспроизводится, как только возникает необходимость апелляции к данному прецедентному феномену. Таким образом, именно инвариант восприятия прецедентного феномена держит и обеспечивает бытие и воспроизводимость того или иного прецедентного феномена. Вероятно, это связано с изначальной образностью инварианта восприятия прецедентного феномена. На сегодняшний день представляется возможным выдвинуть гипотезу, суть которой сводится к тому, что *именно образ создает основы и основания для феномена воспроизводимости как такового*. Во всяком случае, на участке прецедентных феноменов это представляется именно так. Посмотрим, что происходит в сфере стереотипов.

Стереотипы, как и прецедентные феномены, могут не иметь жестко фиксированного имени, однако апелляции к тому или иному стереотипу-представлению по определению прозрачны и понятны для представителей определенной культуры. Что делает их таковыми и что обуславливает возобновляемость подобных апелляций? По сути своей, эти вопросы сводятся к следующему: что воспроизводится в процессе коммуникации? Думается, что в данном случае мы также должны говорить об образе, который «держит» данную воспроизводимость и который может овнешняться в различных языковых единицах, соответствующих данному образу. И в этом стереотипы сближаются с прецедентными феноменами.

Но есть и некоторые, на мой взгляд, принципиальные различия. Главное состоит, пожалуй, в следующем. Когда речь идет о прецедентных феноменах, мы имеем дело с языковыми единицами, которые именуют какой-либо значимый, необходимый и достаточный для прозрачности апелляции к самому феномену «*сегмент*» инварианта его восприятия. Список таких единиц, как правило, закрыт, поскольку число «значимых» сегментов не просто бесконечно, но ограничено. «Свобода формы» в данном случае проявляется в том, что для обращения к такому образу говорящий может выбрать *любую из единиц списка*. Как представляется, в этом (в том числе) заключается специфика прецедентных феноменов как феноменов лингво-когнитивной природы.

Что касается стереотипов, то некоторые из них проявляют значительно бóльшую степень свободы в выборе формы, которая (свобода) зачастую ограничивается самим образом и набором собственно языковых единиц, способных этот образ описать (например, *молчать, как партизан / как юный партизан / как (юный) партизан на допросе / как партизан в гестапо / как юный партизан на допросе в гестапо* и под.) Конечно, данные единицы именуют некоторые, необходимо обязательные для данного образа компоненты, но *сам список единиц* предопределяется и ограничивается не столько природой именуемого компонента, сколько *возможностями языка*. Ср. вышеприведенный пример со следующими перечнями «имен» атрибутов прецедентных феноменов: ситуации – 1) *дерево, яблоко, змей / змий, Ева / женщина, соблазнение, гнев, наказание / изгнание*; 2) *яблоко, (три) богини / три грации, суд / выбор, судья / Парис, гнев* (данные ситуации в целом, с учетом всех атрибутов не имеют «имен собственных»); имена – 1) *лень, тапочки, халат, диван* (Обломов); 2) *враль / фантазер, полет на ядре, вытаскивание себя за волосы (из болота)* (барон Мюнхгаузен); и под. Разница, на мой взгляд, очевидна: способы апелляции к стереотипному образу более разнообразны по форме, не столь жестко заданы и оставляют для говорящего определенную свободу выбора, причем выбора не именуемого компонента / сегмента, но самой единицы, именуемой таковой.

В этом смысле стереотипы, оставаясь по сути лингво-когнитивными феноменами и единицами дискурса, сближаются с феноменами собственно когнитивной приро-

ды, единицами культуры, о которых мы будем говорить чуть позже, а сейчас, завершая разговор о лингво-когнитивных феноменах, выражу следующую мысль.

Думается, что после приведенных размышлений и примеров не составит труда ответить на вопрос: в чем принципиальная разница между языковыми и дискурсными единицами, что значит – феномен является единицей дискурса, а не языка? Это значит, что данный феномен имеет *лингво-когнитивную*, а не собственно языковую природу, т. е. принадлежит сфере «языковленного ментального», а не системе языка, и его «костяк», основу составляет *образ* (эмоционально-смысловая свертка – результат максимального сгущения первоначального представления, являющегося, в свою очередь, результатом эмоционально-образного восприятия), но не языковое (лексическое, грамматическое) значение и не языковая форма. И именно этот образ лежит в основе воспроизводимых феноменов и делает саму воспроизводимость принципиально возможной.

Итак, мы рассмотрели феномены лингво-когнитивной природы, представленные единицами дискурса, на примере прецедентных феноменов и стереотипов. Перейдем теперь к феноменам другой природы – собственно когнитивной, к таксонам культуры [Телия 1996], и остановимся на двух важных для нашего разговора единицах культуры – эталонах и символах. Но не будем при этом забывать, что мы работаем на поле лингвокультуры, т. е. будем рассматривать данные феномены в первую очередь с точки зрения из языковленного бытия.

Эталоны, вернее – «ниши эталонов», их «смысл» (например, *эталон красоты, эталон богатства, эталон глупости, эталон поэта, эталон романа, эталон предательства*) формируют эталонную субсистему культуры, уровень ее базовых эталонов. Замечу вкратце, что сегодня представляется возможным говорить о (предположительно) четырех субсистемах культуры, ее базовых уровнях: когнитивном, метафорическом, эталонном и символьном (подробнее см. [Красных 2006]).

Почему выделение эталонной субсистемы, исследование уровня базовых эталонов важно для изучения лингвокультуры и культуры в целом? Дело в том, что ниши эталонов (т. е. основные единицы этого уровня), их наличие или отсутствие, место, которые они занимают в культурном пространстве, их реестр, безусловно, зависят от культуры. Связано это с тем, что та или иная ниша актуализируется (а возможно, что и просто появляется) в культуре и получает свое «наполнение» только в том случае, если данный эталон оказывается для данной культуры значимым. Конечно, в ряде случаев может иметь место совпадение в разных культурах отдельных ниш («содержательных смыслов» эталона), но полное совпадение их реестров представляется едва ли возможным. Кроме того, овнешнение эталона и заполнение ниши той или иной единицей (выполняющей функцию знака-эталона) всегда культурно маркировано. Тем более, если учесть, что соотношение «ниша эталона – знак-эталон» не имеет одной, строго фиксированной модели, и сегодня можно говорить о трех ее вариантах. Если принять за «X» нишу эталона (при этом всегда «X = 1», если «X = 0», то разговор теряет смысл, поскольку ниша отсутствует), а за «Y» – знак-эталон, то можно вывести следующие варианты значений переменной «Y» из «формулы» $X = Y$:

1) $Y = 1$, т. е. имеет место соотношение «один к одному», одной нише соответствует один знак: *эталон преданности – собака; эталон предательства – библейское предательство Иудой Христа; эталон предателя – Иуда; эталон поэта – Пушкин;*

2) $Y = 1 + n$ ($Y > 1$), т. е. одной нише соответствует определенный набор (как правило, фиксированный, хотя и не закрытый, подвергающийся изменениям) переменных, выступающих в роли знака-эталона (при этом возможна нюансировка конкретных «значений»): *эталон труженика / труженицы – вол, лошадь, ишак, пчела, муравей, Зо-*

лушка, папа Карло; эталон «далекости» – на краю света, у черта на рогах / куличках; куда Макар телят не гонял, на край света, к черту на рога, за тридевять земель;

3) $Y = n$, при этом $n \rightarrow \infty$, т. е. одной нише соответствует неопределенный («размытый», нефиксированный, стремящийся к неограниченной множественности, но не бесконечный в силу собственно языковых законов) набор переменных, которые могут выполнять функцию знака-эталона: *счастье – ?, горе – ?, любовь – ?* (см., напр. [Воркачев 2003]) и под.

Из данных вариантов наиболее распространенным для русской лингвокультуры на сегодняшний день представляется второй вариант: $Y > 1$.

Составив «реестр» эталонных ниш, можно системно и экспериментально проникнуть в аксиологию культуры, поскольку подобный реестр покажет: 1) что значимо для культуры, а что «игнорируется» ею; 2) как оценивается «значимое» («+» или «–»); 3) в каких знаках овнешняется «значимое» (т. е. будет системно продемонстрирован результат отбора и оценки «единиц» из истории данной культуры и человечества в целом). Таким образом, целью изучения и «картирования» эталонных ниш могут явиться: 1) научная реконструкция общей картины «ценностнозначимых» для культуры «параметров», по которым происходит оценка окружающего мира; 2) валидное представление системы ценностей с точки зрения их целостной иерархии, т. е. с учетом их местоположения в общей аксиологической системе координат, сотканной из представлений о том, что есть «хорошо / плохо», «добро / зло», «верх / низ» и под.; 3) определение значимости для данной культуры в целом тех или иных ценностей путем выявления принадлежности эталонных ниш к ядру или периферии указанной общей картины. Представляется, что подобный подход может дать исследователям конкретный инструмент для верификации выводов о духовном коде культуры.

Очевидно, что в данном случае воспроизводится сама ниша эталона, его «смысл», т. е. опять-таки глубинный пласт культурного пространства.

И наконец, основные, базовые символы культуры. Эти единицы в гораздо большей степени, нежели все рассмотренные ранее, принадлежат собственно культуре. Но поскольку они также могут овнешняться в знаках языка и, следовательно, выступать в роли единиц лингвокультуры, мы не можем их игнорировать, просто выведя их за рамки нашего разговора.

Базовые, или основные, символы, в роли которых выступают предметы окружающего мира или их признаки, доступные восприятию по одному из пяти каналов, которые (предметы и признаки) подверглись осмыслению, метафорическому переосмыслению и/или заняли нишу эталона, формируют символьную подсистему культуры.

В данном случае под символом понимается единица культуры, некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига. Применительно к лингвокультуре можно сказать, что символом является некий оязыковленный культурный квазипредмет (как он понимается в отечественной психолингвистике), выполняющий аналогичную функцию. Имеется в виду следующее: феномен (*A*) замещается феноменом (*B*), более простым по форме и природе, принадлежащим миру Действительное и воспринимаемым по одному из пяти каналов; при этом сохраняется совокупность всех смыслов, оценок и коннотаций (*A*) с возможным добавлением некоторых смыслов и коннотаций (*B*), которое не ведет к принципиальному изменению местоположения (*A*) в культуре, что позволяет (*B*) осознаваться и функционировать как (*A*) [Красных 2005-б].

Думаю, что к символам лингвокультуры можно отнести в том числе «имена» сжатых сюжетов (например, *крест, сказка, принц на белом коне* и др.).

Марфа только вздохнула, она-то понимала, что Вере осталось немного, и от нее сейчас требовалось лишь одно: заставить сына [Юру] согласиться на брак. Еще Марфа знала:

Юра ее **крест** до конца дней. <...> Ясное дело, Марфе нужно молчать и старательно приглядывать, чтобы Юра не слишком распоясался. *Д. Донцова, Любимые забавы папы Карло*. Он не предлагал ей руку и сердце, потому что был уверен, что это неправильно. Может, она и согласится по доброте душевной или потому, что в ее возрасте уже неплохо было бы выйти замуж, но он не мог так поступить с ней. Она заслуживала всего самого лучшего, **принца на белом коне**, короля Нидерландов, британского премьер-министра!.. <...> Он немедленно на ней женится – надо в загс, что ли, позвонить, узнать, когда там принимают, в этом загсе, – и заживут они волшебной и прекрасной жизнью. **Как в сказке**. *Т. Устинова, Пять шагов по облакам*. Нет-нет, группа получилась потрясающей! Просто несчастье какое-то, а не группа. А посмотреть со стороны – так не придерешься. Ему, Дубняку, ничего не грозит. Они переругаются друг с другом, задание, конечно, провалят и в конце концов падут смертью храбрых. **Сказка!** *Г. Куликова, Рукопашная с купидоном*.

В субсистеме базовых символов, как и в случае с эталонной субсистемой, где есть ниши эталонов и знаки-эталонны, мы имеем две равнозначимые стороны: замещаемое – сам «предмет» (*A*) и замещающее – собственно символ (*B*). И если в сфере (*A*) мы можем найти пересечения между культурами, то в сфере (*B*) совпадения значительно менее вероятны, нежели расхождения, поскольку для совпадения, пересечения сферы (*B*) в разных культурах необходима общность миропонимания, мироощущения, миропознания и мироосознания, т. е. общность осмысления мира и единство практик его (мира) окультуривания, а по сути – общность культур. Но тогда мы будем иметь дело не с разными культурами, а с одной культурой. Что касается пересечения культур в сфере (*A*), то здесь тоже нужны оговорки: что именно подвергается замещению, что именно осознается в культуре как нечто, нуждающееся в символе, предопределяется и обуславливается культурой [Красных 2005-в].

Составление «реестра» символов позволит выявить значимое / незначимое в культуре, определить, в каких единицах и как происходит овнешенение значимого, а также даст дополнительные ключи к пониманию всех других подсистем культуры.

Вероятно, в данном случае воспроизводится также глубинный пласт лингвокультуры, т. е. замещаемое – предмет (*A*), в то время как сами символы (*B*), во-первых, могут меняться не только в пространстве, но и во времени, а во-вторых, они выступают в роли «тела» предмета (*A*) (его субститута) и, следовательно, воспроизводятся на поверхностном уровне только тогда, когда и если возникает необходимость воспроизведения (*A*), и только потому, данный предмет (*A*) обладает свойством воспроизводимости.

Лингво-когнитивный / (этно)психолингвистический и лингвокультурологический подходы позволяют предположить, что когнитивной основой воспроизводимости может быть признан *образ*, под которым в данном случае понимается *результат максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловая свертка «ментальной картинки», формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам*.

Проводимое в настоящее время исследование позволяет (пока гипотетически) предположить, что обеспечивать и провоцировать воспроизводимость могут как собственно образы, так и когнитивные образные составляющие – совокупности необходимо обязательных дифференциальных признаков, отличающих один феномен от других, в том числе – от подобных ему (т. е. то, что в ряде случаев выполняет функцию образного основания метафор). Помимо этого, когнитивным основанием воспроизводимости – на «метауровне» – могут являться содержательный смысл эталонов и символов, а также канон (представляющий одновременно и как норма, и как совокупное представление о ней, существующее в сознании *Homo Loquens*; позволяющий тиражирование и, следова-

тельно, существование «однотипных» феноменов, но допускающий и творчество, определенную самостоятельность, хотя и в заданных рамках, что предполагает возможность некоторых трансформаций при «созидании» по канону).

Л и т е р а т у р а

- Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
- БФС 2006 – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
- Воркачев 2003 – *Воркачев С.Г.* Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003.
- Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Красных 2005-а – *Красных В.В.* Возможные пути решения некоторых актуальных проблем современной науки // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. науч. ст. к 70-летию Е.Ф. Тарасова. М., 2005. С. 116–124.
- Красных 2005-б – *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10–24.
- Красных 2006 – *Красных В.В.* Система координат лингвокультуры сквозь призму Ното Лоquenс // Язык. Сознание. Культура. М., 2006. С. 61–69.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Сведения об авторе

Красных Виктория Владимировна

Ученая степень – доктор филологических наук

Должность – профессор

Филологический факультет, кафедра общей теории словесности

Ключевые слова

Культура, лингвокультура, культурное пространство, прецедентный феномен, стереотип, образ, воспроизводимость

Culture, linguo-culture, culture space, precedent phenomena, stereotypes, image, reproduction

Аннотация / Summary

Лингво-когнитивный / (этно)психолингвистический и лингвокультурологический подходы к анализу единиц лингвокультуры позволяют предположить, что когнитивной и лингво-когнитивной основой воспроизводимости может быть признан образ – максимальная образно-эмоционально-смысловая свертка первоначального представления, которое формируется на основе эмоционально-образного восприятия некоторого фрагмента действительности.

Linguo-cognitive / (etho)psycholinguistic and lingual-cultural approaches to the analysis of linguo-culture units make it possible to presuppose that image (regarded as maximum image-emotion-sense condensation of primary image-impression which is formed on the basis of emotional-imaginative perception of a fragment of reality) can be considered as cognitive and linguo-cognitive basis for reproduction.